

голову отрубил. Семён достал, — говорит, — рано, этот, какой тебе месть-самосец, а ён пошел, голову отрубил и у его месть-самосец взял».

Его увезли, арестовали. Ну вот. Она там сходила в магазин, купила хороший ему костюм. Ну, у них и свадьба пошла, пир. Тут и все жоны собрали, и у их бал пошел. И так Семён царю. Царь потом его тут пообучил, потом его царем на царство клал, Семёна, и зажил Семён. И Семён стал богатый. А трудностей много он принял.

(Ой, погоди еще, вот пропустила...) «Как, — говорит, — ты знаешь, что твой?» Она говорит: «Семён, обернись зайцем!» Семён перекупился зайцем. Она только поднесла этой шерсти, тут как тут — прироста! Опять к оленю, оленем обернулся. Опять на то место шерсть прироста. Опять орлом — опять. «Вот, — говорит, — вот кто у меня был-то, вот мой муж-то какой! Семён». Всё!

Записали Е.И. Русакова, М. Нигметова, О. Устинская в июле 1974 г.; НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 73, № 21.

Поспорили два мороза, кто быстрее заморозит человека

Вот и спорят два брата мороза.

Один говорит: «Вот я повезу, — говорит... — Вот поиде мужик, барин, поиде, — говорит, — вот у его наодеванось: пальто одето, тулуп наверх. Я его, — говорит, — не могу поморозить».

А второй говорит: «Поморожу, но насмерть мне его не заморозить».

А второй брат мороз говорит: «А вот, — гот, — тут мужичок поезжа, — гот, — за дровами. У его один маленький полушубочёк, только, — гот, — до пояса. Немного подоле. Дак, — говорит, — кандёнки вот как худи да, да шапочка дак. Вот я дак заморожу!»

А этот, который барина желает заморозить, тот говорит: «Не заморозить этого тебе мужика!» — «Заморожу!»

Ну и мужик поехал. Барин поехал, дак этот одва, одва доехал до дому! Сильну сторону, а друго одва доехал. Тот морозка забрался под это, под пальто, да под этот, под тулуп, дак барин зубы дозвонил, одва приехал живой. Всё-таки поморозил, а не насмерть. Ну. А этого заморожу.

Вот ехал-ехал мужичок, мороз поскакива вслед, а он, это, идё, мужик. Мужик — стало холодно — мужик выскочил да бегом вслед лошади. Бежал, бежал, весь вспотел. Прибежал, этого, лошадь поворотил, сена дал, полушубок скинул и давай, рукавицы вынул и давай голорукым дрова рубить. Весь в поту! Весь вспотел! Но. Работал, весь вспотел. Но.

А этот Мороз-то: «Ну, ладно, ничёго. Я тебе уже в полушубок заберу-

ся, ты полушубок оденешь и заморозь».

Ну, мужик дров нарубил в одном пинжаке, нарубил, навалил воз и взял погонялку, и давай это, этот... Окуржавилась [покрылась инеем] шуба-то, мороз-то эдакой. Он эту, это, снежок-то весь напал, как это погонялкой, кнүтовьём всё выколоти, всё выколоти, всё выколоти. Ну и полушубок одел и поехал домой. Приехал домой.

Но, этта два брата мороза собрались вместо. «Да, — говорит, — как, братец, поживашь?» Это богатый-то, какой, тот, который не заморозил мужика-то, в тулупе-то ехал барин-то. «Дак как, братец, заморозил ли ты мужика в тулупе?» — «Дак хорошо заморозил, зуб дозвонил, одва домой живого довел. Но мужик живой». — «А я, — говорит, — поехал, мужик вот как, — говорит, — кандёнки худые, дак вот какой полушубок худой, весь рбзной. Приехал, змей, — говорит, — а я мужика, я мужичка никак не мог заморозить. У мужика полушубок худой, валенки рбзные, — говорит, — прикожаны все. А мужик, — гот, — как стал маленько застывать, да вышел, — гот, — да побежал, весь в поту. Потом приехал, опять, — говорит, — дров нарубил в одном пинжаке, а я в полушубок забрался. Он взял, — гот, — как погонялку, ак у меня все бока выломал. Я три дня пролежал, не могу бокамы».

Ну вот, этта два мороза так. Ну и так и разошлись. Не могли мужиков ни которого заморозить морозы. Всё.

Записали Е.И. Русакова, М. Нигметова, О. Устинская в июле 1974 г.; НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, кол. 73, № 61.

Литература

1. Народные сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. / Изд. подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков. Т. 2. М., 1984.
2. Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии) / Изд. подгот. Т.С. Курец. Петрозаводск, 2003.
3. Сенькина Т.И. Русская сказка Карелии. Петрозаводск, 1988.
4. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг и др. Л., 1979 (СУС).

Примечания

¹ Отчет об экспедиции в Пудожский район сотрудников сектора фольклора и этнографии ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР. (НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, колл. 133).

² Город Медвежьегорск, районный центр в Карелии; до 1938 г. именовался «Медвежья Гора».

³ Поселок городского типа, расположенный в 25 км от Медвежьегорска.

«ТЯТИНЫ СКАЗКИ»

В июле 2005 г. в д. Игнатовской (Кузино) Вилегодского р-на Архангельской обл. нам посчастливилось познакомиться с Аполлиной Михайловной Соловьевой, 1921 г.р., Полей Маленькой, как называют ее односельчане для различения с Полей Большой (женой старшего брата, тоже Аполлиной Михайловны Соловьевой). Аполлинария Михайловна оказалась не только очень приветливым и общительным человеком, но и замечательной рассказчицей. А когда выяснилось, что наша гостеприимная хозяйка еще и сказочница, нашей радости не было границ. Тем, что она помнит сказки, Аполлинария Михайловна очень гордилась и относилась к самому процессу рассказывания сказок с великим удовольствием. Более того, по ее мнению, рассказывание сказки не пустое, развлекательное занятие, а важное действие, которое требует подготовки и мастерства.

Сказки Аполлинария Михайловна переняла от своей матери, невестки и больше всего от своего отца («тяти») Михаила Васильевича Соловьева (1884 г.р.). Он «привез сказки из немецкого плена», куда попал, будучи солдатом Первой мировой войны. Пленники, выходцы из разных российских губерний, по предположению Аполлинарии Михайловны, могли рассказывать друг другу сказки, чтобы скоротать время. Такая «биография» сказок интересна в плане изучения их структурно-семантической и языковой организации: ведь, потеряв связь с обрядовым дискурсом и, следовательно, с магической прагматикой, пройдя сквозь «фильтр» пространства, времени и памяти, тексты тем не менее сохранили ключевые в народном понимании сюжетные линии и характерные языковые формулы. Некоторые сказки нам удалось записать дважды: исполнительница охотно рассказала нам сказки и на следующий день. При исполнении сказок Аполлинарии Михайловне важно было воспроизведение отдельных сюжетных линий и языковых формул. Сказочница не заботилась о сохранении логики повествования и выражении внутритекстовых связей: организация сказочного текста осуществлялась не столько относительно событий, кото-

рые происходили с главными героями, сколько посредством языковых формул, обязательных для данного типа текста, они же являлись и средством ритмической организации текста. Это хорошо прослеживается при сопоставлении одновременных записей.

В данной публикации представляем вниманию читателей три сказки из репертуара А.М. Соловьевой. Два текста, «О Василии Девкином сыне» и «О Димитрии-царевиче и Идолище», строятся на отрывках сюжета «Победитель змея» (СУС 300); имена героев — Василий и Дмитрий связывают эти тексты с лубочной сказкой о трех царствах. Третья сказка «О невесте-свинье», услышанная Полей Маленькой от Поли Большой, представляет собой оригинальную версию сюжета о чудесной жене (СУС 402А**)¹.

1. СКАЗКА О ВАСИЛИИ ДЕВКИНОМ СЫНЕ

1а. Один мужичок, у его шибко много детей было — семеро. Он рыбку ловил. Попала ему щука, а на щуке на голове написано: «Хто, хто эту щуку-рыбу съест, тот родит сына». А у царя не было детей, ему надо было сына. Давай, унесу царю, дак нам хоть чего там, царь даром не возьмёт.

Принес эту щуку. Оне с радостью взяли, а служанка — ведь служанка была у царя — эту шшучку, серёдопку там нажарила — это царица ела, а эта служанка головку ела да тут тожо всё поела тожо. А собакам — косточки, а там лошади, кобылы опеть там где чего — ополоски — тоже напились-наелись все, всех угостили!

И вот в одно время все забеременели. Девушка родила мальчика, и царица тоже мальчика. И эта девушка назвала парня Васильём, и всё звали Василий Девкин сын.

А собачки росли, и лошади-жеребцы росли, и вот и парни росли. И вот выросли.

Давай, поихали путешествовать — оне вместе всё жили, как братья. И поехали путешествовать. По большой дороге ехали, ехали, близко ли далёко, по земле широко и доехали — дорога эк розвилистая — в ту сторону, и написаны афиши: «В эту сторону, в правую руку, поидите — сам будешь жив, а конь будёт мёртв». Ну, этот царёв сын говорит: «Я поеду по этой дороге». А во второй написано, в эту, в левую руку: «Конь будёт жив, а сам будёшь мёртв». — «А я, — говорит, — по этой», — говорит Василий Девкин сын, поехал по левой. «А если мы оба живы останемся, здесь друг друга будём дожидать, там долго ли коротко произдим, а будём дожидать».

И вот Василий подъезжает к городу. Весь город затянута трауром. А на окраине города домик стоит — одна старушка живёт. Попросился у этой старушки пережить, может, и с неделю ли, сколько, говорит. А у ей была стая... «Коня и кучера надо застать», — говорит. «А сам я, — говорит, — пойду прогуляюсь». — «А почему, бабушка, — говорит, — так город в трауре?» — «А вот, — говорит, — змей трехглавый требует у царя дочку на съеданье. Там, — говорит, — у реке, — говорит, — у моря построен ешефот, и должны эту девушку привести на ешефот и змею на съеданье, а нет — весь город затоплю водой».

Вот, он это у баушки-старушки поузнал, а сам по городу походил. А вечером наказыват: «Бабушка, ты, — говорит, — коня и кучера, — говорит, — храни, и пой, и корми, а я, — говорит, — ещё погуляю».

Вот приходит к этой девушке, там где эта девушка на ешефот приведёна. С ёй порозговаривал. И подходит время. Море заволновалось. Вылазит трёхглавый Идолище. «О, какой, — говорит, — царюшко-государь добрый, одного просил на съеданье, а двух прислал! Теперь покушаю!» А Василий Девкин сын и говорит: «Съешь либо одним подавишься!» Чё, Василий зараз им справился, быстрёхонько все три головы сшиб, а был такой большущий камень, тушу и всё-всё-всё под этот камень завалил, этого змеиною.

И сам ушёл к бабушке. И он проспал целые сутки. Она его будит: «Ой, чего ты там спишь!» А поди всё ходил, по реке-то издил Кузьма, ловил ершов, а это всё видел. Кроме его никто ничё не видел. «Это я, — говорит, — сделал, — хвастатся, штё — я убил».

Ладно, немного времени прошло. Шестиглавый Идолище объявляет эту... опять войной. «Выводи дочь на съеданье, нет — водой затоплю весь город». Опять девушку увёз. Вот эта опять старуха... Он старухе наказал: «Бабушка, — говорит, — ты корми, — говорит, — охраняй кучера, — говорит, — а я пойду прогуляюсь». Он опять победил этого змея. А сам пришёл да лёг, чё, уснул без памяти, эк усапался.

Ладно, там время... А ершеудик опять: «Ой, я вот это сделал». А всё эти, изрубил дак всё, головы там где-то сносил-свалил, руки-ноги — всё, этот камень поднял, всё под камень, всё завалил. Вот, а девушке-то опять показался, знает эта девушка парня, уж изучила, какой есть парень хороший.

Опять объявляет девятиглавый Идолище войной. «Приводи на ешефот девушку на съеданье, а нет — весь город затоплю!» — «Ну, — говорит — бабушка, — этот паренёк, Василий Девкин сын, — сегодня, — говорит, — не спи ночью, в такое-то время выпусти коня и кучера.

Коня и кучера, — говорит, — выпусти, а я, — говорит, — пойду прогуляюсь». Он приходит к девушке. Опять море забушевало, заволновалось — девятиглавый Идолище выходит. «О, — говорит, — добрый царь, двух, — говорит, — послал, я одного просил». Он говорит: «Подавишься, — говорит, — ни которым... сподавишься, ни одного не съешь!» Вот давай драться. Он ему сшиб три головы, а он ему порезал палец, по руке, на руке язва осталась, до крови дошёл. И вот... А коня-то она забыла выпустить-то. Конь-то отбил двери и кучер перегрыз цепь, и в то время прибежали, это конь и кучер, это собачка. Прибежали и Василию помогли. Он убил этого, всё равно победил этого змея.

И вот пришёл домой, спать лёг, коня на место поставил, лёг, проспал трое суток. А там... ершеудик... А царь-то говорил: кто победит, в живых царевну оставит, за того замуж выдам. А ершеудик: «Я победил!» Там вот ешо показывает, где там вот это завалёно всё: «А после такой битвы я камень отвалить не могу, а тогда всё это я делал!»

У царя слово — закон, и свадьбу собирают. Ой нет, я ещё пропустила — когда он победил, он к девушке-то пришёл, она ему колечко наложла на пальчик и ленточкой перевязала рану.

А он домой-то пришёл, уснул, трое суток спал. Бабушка-то стала его будить: «Ты что, добрый молодец, вон у нас какой ершеудик — царевну спас, свадьба собирается, чего ты, — говорит, — спишь? А ты, такой добрый, а не мог этого сделать!» — «Ладно, — говорит, — бабушка, чужому счастью завидовать нечего!» Ну, потом встал и пошёл.

А оне уж... свадьба начинается, за столом, в избу заходят. Девушка-то не шла: «Это, — говорит, — папенька, не мой... это не спаситель!» Ак он: «И я не знаю, всё показывает, показывает, а камня-то не отвалил, не показал!» Ну вот, что руки-ноги, голову — всё змеиное!» И этот когда он собрался, Василий, и пришёл на свадьбу. Она как увидела, через стол перепрыгнула: «Вот, — говорит, — папенька, мой спаситель! Вот моя ленточка, вот моё кольцо!» Она с радостью, уж не знаю там как! Как и сказать? Ну ладно, тогда ершеудика называть не стали, а пошёл, этот камень отвалил, всему народу показал это, чего он делал. «Это мои руки делали, я, — говорит, — могу всё сделать!» И вот он забрал эту девушку.

Царь... недолго там жили: «Съезжу, — говорит, — съездим оба, — говорит, — заберём мать, приедем сюда и тогда свадьбу сделаем». Девушку забрал с собой, усилились на коня и поехали. И вот доехали до товой дороги до большой — выехали из росстани.

Он уснул крепким сном, конь ходит, а девушка сидит, караулит его.

Вот, и тот выѣзжает, тот, царёв-то сын. Увидел эку-то красавицу, не долго думая, взял да ему голову отрубил, а её пристрастил: «Если ты только, — говорит, — скажешь, — а коня-то у его нет, он пешком ушёл, — если ты только скажешь, я, — говорит, — и тебе голову, чтёбы ни звука! Пойдем ко мне на родину».

Ну чё, куда деваться, поплакала да всё... куда? Поехала.

Вот домой приехали, а девушка плачет, чтё Василия нету, а куда жаловаться будёшь? И всё выходила да смотрела в ту сторонущу, куда она его отправляла. И девушка всё за ёй следила, и девушка ходила плакала. Ну они друг-то о друге ведь не знают, не сказывали, раз сказано — не сказывать, не говорить.

И вот знаешь штё. Ходил один человек тамоко, где он лежит, увидел: добрый молодец такой лежит, голова откатана. А тут этот орёл летал. А орлёнок-то маленькой на земле бродил. Взял орлёнка. «Вот, — говорит, — неси пузырёк мёртвой воды — этому орлу наказал, — и пузырёк живой воды!» Этому орлу сказал: «Неси, — говорит, — пузырёк мёртвой воды и живой воды!» Он принёс. «А то, — он говорит, — я у тебя орлёнка маленького убью!» Орёл принёс ему пузырёк мёртвой и пузырёк живой воды. Он взял, мёртвой водой sprysнул — голова приросла. Эту голову приложил к этому к Василию, голову sprysнул водой — голова приросла. Живой воды sprysнул — он ожил! «Ой, как я долго спал!» — «Да, добрый молодец, ты очень долго спал, у тебя и голова уж далёко откатёна была, отрублена». Ну ладно.

Этого человека он поблагодарил, пошёл пешком домой. Пешим шёл и дошёл до дому. Домой уж пришёл, где еовонна матушка. А уже свадьба, за столом эта девушка сидела, сваталась. Хотя и слезами умывалась, но говорить-то нельзя. И он заходит в избу. Она опять через стол перепрыгнула. «О, — говорит, — мой любимой!» Ну тогда чё. Всю правду тогда рассказала. Царь говорит: «Ну как его, сына, наказать?» А Василий Девкин сын (он и назывался Василий Девкин сын): «Наказывать никак не будем, только забираю мать и свою невесту и отправляемся в родное сённо житьё».

И вот приехали, там мать забрал, девушку. Приехали, там свадьбу справили. Я тоже была там, пиво пили. И вот стали жить-поживать да добра наживать и сейчас живут. Вот такая сказка (ФА СыктГУ, 04123-2).

16. Жил-был царь. У его детей не было. Оне уж в возрасте не в маленьком стали.

А тут мужик рыбу ловил всё. У его было семеро детей. И он поймал шшу-

ку такую, написано на голове: «Кто эту шшуку съест, тот родит сына». Ой, принёс эту шшучку домой, ну чего, хозяйка и говорит: «У нас робят и так полно, кормить нечем, унеси-ко царю, ак он ведь заплотит нам».

Ну вот, он принёс царю. Принёс — царь обрадовался. А у его, у царя, служанка была (варила ведь не сама царица). Вот наварила там, приготовила уж полную эту, всё мякоть — серёдку, а сама головку поела, кости собаки ели, а где там ополоски чё, опять лошадь попила, всё! И вот оне забеременели все в одно время. Собаки родили, кобылы родили жеребцов, и эта девушка-служанка, и царица сына родила. И вот оне росли как братья, эти — Василий (девушка назвала Васильём, дак звали его Василий Девкин сын), а тот — царёва — я уж не знаю, как звали. Царёв — тот пышный рос.

И вот оне подросли. Лошади росли, оне росли, и собачки-кучеры росли. И вот оне вздумали путешествовать ехать. Поехали по большой дороге, далёко-далёко ехали. Потом попадает дорога розвилистая — на праву сторону и на левую, и афиши написаны. Написано: «Если по той по левой дороге пойдёшь, сам будёшь мёртв, а лошадь будет живая. А на праву сторону — лошадь будет мёртва, а сам будёшь жив». И этот царёв сын на ту сторону поехал, где сам жив, а тот поехал... «Я, — говорит, — поеду этсель, только бы конь жив был, а со мной видно будет, чего там!» И решили оне: «Давай в этом мисте который выдет, живые останемся, на этой росстане мы будем друг друга дожидать, а если долго, надоест дак, хоть чё-нибудь да пятно изладишь, штё проехал ли, прошёл».

И вот он, этот Василий Девкин сын, доезжает до города. Город весь в трауре. На краешке города стоит домичок небольшой. Он попросился (там жила одна старушка, пожилая женщина): «Пусти, — говорит, — меня, и вот коня надо застать, кучера застать. А почему, — говорит, — у вас город в трауре?» — «А вот, — говорит, — сыночек, у царя одна дочка, и то змей, трёхглавое Идолищо, просит, — говорит, — на съеданье её. А если не выставишь эту, дочку, то, — говорит, — весь город водой затоплю! Дак вот надо, из-за этого и траур навешан, в трауре город». — «Давай, ладно, бабушка, лошадь заставь, кучера заставь, а, бабушка, ты, — говорит, — поухаживай за има, а я пойду посмотрю, познакомлюсь с городом».

И вот он пошёл, пошёл, где эта девушка привезёна на ешефоте. Ну, он с ёй порозговаривал, мало время прошло, море заволновалось, вылазит трёхглавое Идолищо. «У, какой добрый господин, царь, одного просил, а двух послал!» А Василий говорит: «Ох, погано чудовище, ни одного не съешь, одним, — говорит, — подавишь-

ся. Двух не съешь — одним подавишься!» Ну ладно. А Василию это легко было справляться, он его живо... Дрались, но живо он его прикончил. А был большущий камень, этот камень отвалил, всё-всё сбросал, всё: туловищо, ноги-руки — всё под камень завалил — и голову.

Девушке сказался и сам ушёл к этой, домой. Лёг спать, целые сутки проспал.

А там по реке издил ершеудик, ёршей только ловил, в лодочке плавал. Он это всё видел. Ой, и хвастатся — нихто не объявляется, штё кто это спас царевну, — а только штё это он, себя выставляет, штё я. А он это всё видел, где, чего и как. Ну ладно, хорошо.

Там немного время прошло, опять траур затегается, город весь в траур. Опять объявляет шестиглавое Идолищо: «Вывози дочку на съеданье, а нет — весь город водой затоплю, теперь уж капли не оставлю живого-сухого, весь залью водой!» Ну, ладно, хорошо.

Тот опять Василий наказывает своей старушке: «Корми и пой моего кучера и коня, а я пойду по городу погуляю, познакомлюсь, чего такое там творится». Он опять пришёл к девушке на ешефот. «Ну вот, здравствуй, царевна, я пришёл — твой спаситель!» И мало время проходит, им розговаривать некогда было, опять море забушевалось — шестиглавое Идолищо вылазит. Он быстро, на два раза, сшиб опять головы, опять под камень это всё завалил, все: туловищо, ноги, руки-ноги — всё, всё!

А ершеудик опять всё выглядывал, узнал. Ладно. Ершеудик раз спас царевну, царевна домой воротилась. А царевна больше его, паренька этого, не знает, Василия; спас, спас, а ушёл — не знает она его, хто и чего.

Пришёл, опять сутки целые проспал после такой битвы. А старушка говорит: «Ой, — говорит, — добрый молодец, чего ты спишь? Вон у нас какой ершеудик да — погано чудовище, шестиглаво Идолищо, погубил, в общем, спас царевну!» — «Ну чё сделаешь? Пускай», — говорит. Потом с города опять траур снялся.

Мало время проходит — девятиглаво Идолищо объявляет войну: «Вывози царевну на съеданье!» Опять затенули город весь трауром. Вот. А царь тогда наказал этой старухе: «Ты, — говорит, — часов в двенадцать выпусти коня и выпусти кучера пусти, отопр, — говорит, — двор, штёбы, — говорит, — оне найдут меня сами, а я, — говорит, — пойду познакомлюсь с городом». И опять ушёл, этот Василий Девкин сын. Вот.

Мало он с девушкой побыл на этой на ешефоте, море заволновалось — девятиглаво Идолищо выходит. «О-о, государь, добрый государь, двоих послал!» Он говорит: «Погано чудовище, одним подавишься!» Ну ладно, началась у их битва. А старуха-то проспала, коней-то не выпустила, коня-то не выпустила.

Конь и двери сшиб, вышиб сам, а собаку цепь перегрызла. Оне прибежали. Он ему руку ранил, это поганое чудовище, пареньку, Василию, а он его... не на один раз сражался, он и победил его опять. Опять всё под камень завалил. Зашёл к девушке. Она ему перстень наложила свой на пальчик и перевязала рану ленточкой, своей ленточкой.

И вот он пришёл домой, коня опять заставил. А старуха всё проспала. И пришёл, улёгся, и он трое суток спал.

А там уж чего? Ершеудик, дак надо скорые свадьбу — он, вишь, обещал, царь-то: «Если кто спасёт царевну, мою дочку, за того замуж отдам!» А ершеудик объявился: «Её спас я!» И вот решил он, долго не мешкая, сразу свадьбу. Там уж три дня ли, четыре прошло — свадьба, свадьба начинается, собираются на свадьбу. И вот оне уже за столом молодые сидят. Она не может отца-то убедить-то, словом, ей не глется, что ершеудик — не он, не он! А отец-то ведь не верит, верит тому. А больше никто не объявляется. И вот через слёзы, но пришлось ей быть свонной невестой. Ладно.

Вот этот просыпается Василий Девкин сын. А там уже свадьба идёт. Василий просыпается. Старуха и говорит: «Ай, добрый молодец, у царя-то дочка выходит замуж! Чего ты делаешь? Вон какой у нас ершеудик — спас девочку, замуж она выходит!» — «Чужому счастью я не завидую, бабушка. Ладно, давай я пойду погляжу».

Вот он зашёл, у его рука-то ленточкой-то завязана. О-ой, да как он зашёл, она как увидела, через стол прыгнула, тут все съедобные кушанья... «Ой, вот, папенька, мой спаситель!» Ну тогда чего сделаешь. «Тогда надо показать, где он, раз твой спаситель, где чего, где змеины отходы». А ершеудик-от ходил, казал: вот тут рука, тут нога — всё! Под камнем-то ведь не отваливал: «Я устал, не могу камень отвалить-то! Вот, всё я ведь, я делал дак, только не могу камень отвалить». А Василий-то говорит: «Давай, — говорит, — пойдёмте, я всё покажу!» Пришёл, как камень вальнул, дак там все туловища, ноги, руки-ноги — всё змеиное! «Вот, — говорит, — чего!» А у девки-то веры-то уж не было, штё он это сделал. Тогда ну... Отец попросил прощенья, и давай невеста будет Васильева. Вот.

Он не делал свадьбу. Сперва забрал девушку. «Пойдём, — говорит, — мать заберём и обратно приидем и тогда свадьбу сделам!» И поехали.

Ехали близко ли далёко, по земле широко, доехали до той росстани. Никаких признаков нет, что у того братика пройдено, и лёг он отдыхать. Коня отпустил погулять. А девушка сидит, караулит. Девушка довольна была, царевна, она полюбила: паренёк хороший. И вот он уснул.

Тот пешком идёт: конь-от погиб. Тот царёв сын идёт пешком. Ой, увидел эдакую роскрасавицу! А он спит. Он, долго не думая, слов не говорит, ему взял голову отрубил, этому Василию. Ой, тогда девушку пригрозил. Садится на коня, девушку тоже с собой на коня — поехали! «Ты только где скажи, тебе это же будет! Ты — моя невеста, и я спас тебя! Там спас ли, не спас, а я нашёл, ты — моя!» Ну ладно. Всё равно поехали.

И вот она там долго ли, коротко жила. Она видела ту служанку. Она всё сына провожала, эта девушка, и смотрела в ту сторону. Тот-то приехал, царевич-то, а Василий у ёй — нет! А спрашивая не спрашивает, где да чего, да как, ёй же не положено: она же служанка, рабыня дак. И девушка ходила, откуда ехала, эта девушка-красавица, которая привезённая, в невесты уже готовится, собирают свадьбу. Нет, ещё не собирают, только оне так живут. Так, это она ещё как привезёна, дак не сразу свадьба.

А Василий этот с отрубленной головойшкой лежит, знать не знает ничего. И шёл человек. Видит: орлёнок маленькой ходит. Он его, орлёнка, поймал, а орлиха бьётся и бьётся, об детей беспокоится. Он тогда орлихе сказал: «Принеси, — говорит, — пузырёк мёртвой воды и пузырёк живой воды, тогда, — говорит, — я тебе орлёнка отдам!» Орлиха это достала, принесла, ему отдала. Он взял, голову прикатил, мёртвой водой плеснул — голова приросла, голова на месте стала. А орлёнка не опускает: ещё како будет? Как это, правильно ли, нет делаться. Живой воды брызнул — проснулся. Проснулся этот Василий: «Ох, как я долго спал!» А ещё не успел озираться, оглядываться, где эка жона, где девушка, где и конь. Он говорит: «Добрый молодец, ты долго спал, у тебя и голова далеко откатёна». Ну, он всё понял, в чём дело. Ну, тогда поблагодарил этого человека и стал-отправился, пешком надо до дому-то идти.

Домой-то пришёл. У их свадьба! Девушка со женихом сидит. Он как в избу-то зашёл, она как увидела его, дак тут никаких преград ёй, она опять через стол прыгнула да за его поймалась: «Вот мой, — говорит, — спаситель, вот мой, — говорит, — жених!»

Ну, царю всё рассказали. А царь и говорит: «Виноватой мой сын, как хотите, так и накажите его!» А Василей Девкин сын говорит: «Мы наказывать его не будем, только забираю я свою невесту, забираю мать, и мы идем в то государство, где родина моей невесты!» И вот уехали. Свадьбу справили. Я там была, пиво пила на свадьбе-то. Дак пиво-то беда хорошое, густое, дак по губам текло, а в рот не попало. Всё, сказке конец. Щука да елец — сказке конец! (ФА СыктГУ, 04107-2).

2. СКАЗКА

О ДИМИТРИИ-ЦАРЕВИЧЕ И ИДОЛИЩЕ

2а. Утащил змей трёхглавый, Идолище утащил родну мать у их. И он поехал розыскивать.

И вот в чисто поле приехал, увидел бел шатёр. Как, она ему, наверно, наказала, штё он в такое-то время взял, за реку мост большой, он спрятался под мост.

И вот идет это Идолище. Идёт он, а конь спотыкается. Идолище и говорит: «Чего ты, конь, спотыкаешься? Не Димитрия ли царевича боишься, сюда его и ворона в пузыре не занесёт». Он из-под моста выскакивает: «А вот, — говорит, — я и есть!» Вот это Димитрий-царевич.

Вот и начали драться. Дрались столько время. Он наказал чё-то матери, я не знаю, слова-то забыла, чтобы конь ведь был у его, да и кучер был — это собачка. Ну, дрались, и он его вбил в землю по колено, это Димитрия, а он уж ему голову отсек, этому змею.

«А чего, — говорит, — поганое чудовище, после боя наши отцы делали?» — «Отдыхали». — «Ну, — говорит, — давай, и мы отдохнём». Конь прибежал, его вытащил, помог ему, Димитрию-царевичу справиться. Но он всё равно победил этого, а как там дальше, я забыла. Хорошая, интересная была сказочка. Это тятя рассказывал. В плену-то там чё делать (ФА СыктГУ, 04105-42).

2б. Я говорила вчерась. Рассказать? Ну давай. Потерели оне мать, а Димитрий-царевич поехал розыскивать. Поехал. И вот приехал в чисто поле — стоит бел шатёр. А там была его мать... этим змеем утащёна, и она была тут. Она ему рассказала, когда он приезжает и как. А за реку большой мост. И он сел под мост (он тоже был на коне). А коня-то оставил там у матери, там, на поле. И он сел под мост.

Вот едет трёхглавой Идолище. Конь спотыкается. «Фу, чего ты, конь, спотыкаешься? Не Димитрия ли царевича боишься? А его сюда и ворона в пузыре не занесёт!» А он из-под мосту выходит: «Вот поганое чудовище, я вот тут и есть! Вот и давай драться-биться, чё наши отцы делали, как дрались!» Бились, бились. Он ему сразу голову ссек, а он его по колен в землю вбил, это Димитрия. «Погано чудовище, чего, — говорит, — после битвы наши отцы делали?» — «Отдыхали!» — «Ну вот давай и мы отдохнём!» Отдохнули. А у его конь там прибежал к этому Димитрию. Конь помог ему вытащить его из земли. Ну он победил. Много тут говорилось, я слова забыла... Прибавляйте сами, надо дак, а я больше не знаю! (ФА СыктГУ, 04106-28).

3. СКАЗКА О НЕВЕСТЕ-СВИНЬЕ

Девушка была у хозяина хорошая. И вот надо, пошла жать. А штё, они не знали, что есть эта девочка, девушка. Придётся жать — одевала свиную шкуру на себя, как поросёнок, свинья. Она, может, сама придумала, может, говорят. Вот давай, пришла жать, шкуру снимает и жнёт.

Шёл парень, увидел эту девушку, подошёл-познакомился, а шкуру-то увидел — хотел её сожогчи, эту убрать её. Она говорит: «Не убирай! Я, — говорит, — обоюдаю, нельзя убирать! Никуда не давай!» — «Ну иди, — говорит, — за меня замуж!» — «Тогда, — говорит, — свинью сватай замуж». Ну, у отца-то свинью и высватал. Ну не сразу. В сказках-то быстро говорится, а не скоро дело делается! Высватал свинью, сватанье сделали, за столом сидели, чё свинья с ими сидела. Ладно. А второй парень интересовался, тоже жених, интересовался, чего будет он как? И пошли ночевать — уж свадьба отошла, пошли ночевать в другую избу. А она ему сказала: «Ты, — говорит, — принеси бочку, большую бочку, большую-большую, ко дверям-то, — говорит, — поставь эту бочку, штёб она была безо дна, безо дна». Ну вот. А второй парень смотрел в окошко: чего она там зашла, шкуру сняла, а он — эка нарядна, эка хороша и-и пришла там. К парню на постельку легла, всё в порядке. А второй видел это всё в окошко.

И он пошёл свинью сватать. А она уж больше не одевала эту шкуру, замуж вышла — девушка стала. Ну ладно, хорошо. Свинью силой за стол поволокли, свинья ревёт-визжит, всё со стола стрёбёла. Всё увезла, кончилась вся свадьба у его, окончилась, ничё не собрал (ФА СыктГУ, 04106-23).

Примечания

¹ Волшебные сказки из репертуара А.М. Соловьевой послужили материалом для исследования: Бунчук Т.Н. Лингвостилистические особенности вычегодских сказок (по современным записям Сыктывкарского государственного университета) // Культурное наследие Русского Севера: память и интерпретации: К 90-летию Сольвычегодского историко-художественного музея. СПб., 2009. С. 31—47.

Сокращения

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг и др. Л., 1979.

ФА СыктГУ — Фольклорный архив Сыктывкарского гос. ун-та, Вилегодское собрание.

Предисловие, публикация и примечания

Т.Н. БУНЧУК, канд. филол. наук,
Е.А. ШЕВЧЕНКО, канд. филол. наук;
Сыктывкарский гос. ун-т

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ
О ЗМЕЕ-ПОМОЩНИЦЕ

В русских волшебных сказках змея может помогать герою по-разному. Она указывает ему местонахождение искомого предмета, дарит диковинку или наделяет его чудесным знанием. Змея, помогающая в поисках, встречается в сказках крайне редко, заменяя в вариантах других более традиционных персонажей. Сюжетный тип «Волшебное кольцо» (СУС 560), в которых змея дарит герою волшебное кольцо (реже другой чудесный предмет), является одним из наиболее популярных в русской сказочной традиции. Согласно «Сравнительному указателю сюжетов» сказок только с основным типом сюжета опубликовано более пятидесяти.

Сюжетные типы «Язык животных» (СУС 670), «Три языка» (СУС 671), «Корона змеи» (СУС 672), «Чернобыльник» (СУС 672D*), «Мясо змеи» (СУС 673) и «Змеинный камень» (СУС 674*) — не самые распространенные в русской сказочной традиции. Публикации русских текстов для сюжетов СУС 672, СУС 673 и СУС 674* отсутствуют. Для СУС 672D* есть один опубликованный текст в сборнике Д.Н. Садовникова¹. Сказки сюжетного типа СУС 670 на русском языке опубликованы в классических сборниках А.Н. Афанасьева, И.А. Худякова, Д.К. Зеленина² и др. (всего 11 текстов). Для сюжетного типа СУС 671 опубликованных текстов столько же. Безусловно, некоторое число текстов данных сюжетных типов есть в фольклорных архивах, где они, как принято говорить, ждут своего часа.

Тексты, публикуемые ниже, относятся сюжетному типу СУС 670. Они были записаны в Московской, Ярославской и Ивановской областях в середине 1990-х гг. Все они хранятся в личном архиве публикатора.

№ 1. Жил один мужик. Вот раз он пошёл в лес коз пасти. Пасёт-пасёт, слышит вдруг: «Помоги мне, мужичок! Помоги мне!»

Огляделся, смотрит: тут нет и тут нет. И кто это тут кричит?! Вдруг глядь — змеюшка. У ей хвост камень большой придавил. Она кричит-убивается. Мужик жалостлив был, камень отворотил, а змеюшка по евойной ноге ширк-ширк и вокруг шеи-то и обвилась. Мужик думал, уж конец, рот открыл

с жизнью прощевается. А змеюшка его в язык три раза как лизнет и сползла с его. «Спасибо тебе, мужичок, что меня от смерти спас. Теперя ты язык всех птиц, всех зверей, всех рыб понимать будешь. Только никому не говори, а то помрёшь враз».

Мужик домой пошёл.

После пошёл как-то в лес и слышит, как два зайца там говорят: «Дождь будет сейчас, пойдёт шибко». Мужик под дерево спрятался, дождь пошёл, а он сухой. Тут барин едет, смотрит — мужик сухой, а всё вокруг мокро. Подивился, а мужик-то молчит.

Барин его к себе позвал, в карету. Едут, а одна лошадь другой и говорит: «Кучер у барина деньгу украл, у нас в сено спрятал». Приехали к барину, а у них жена ревмя ревет. «Чего случилась-то?» — «Ой, деньга пропала, ой, горько како!»

Туда-сюда, а денег нет.

Мужик говорит: «Дай поворожу». Ему карты дали, он их раскинул заковыристо и говорит: «У вас деньга в конюшне, в сене лежит закопана, ухоронена там».

Пошли к лошадям, в сене порылись — нашли деньгу в кулешок такой увёрнуты. «Как это ты все узнаешь?» Мужик молчит. Наградили его, и домой пошел. Приходит, даёт жене подарки. Она у него упряма была. «Откудова, — говорит, — денюжка?» Мужик ей про барина рассказал: «Я, — говорит, — догадался, где деньга лежала».

А жена недоверчива: «Ты, — говорит, — дурак, дома рубахи найти не могёшь, а тут деньгу нашёл. Ну-ка, говорит, как всё было». Мужик и так, и сяк. Она не отстаёт от его, жужжить и жужжить, пилить и пилить, совсем життя мужику дома не стало, хоть ложися и помирай. Ну решил он, что уж лучше помереть, чем жизнь такая.

«Всё, покупай гроб, готовь поминки, как все приготовишь — я тебе порасскажу правду. Только я умру». А она ж упряма: «Ничего, може, и помрёшь, зато я все правду узнаю».

Только она ему не верит, а думает, что он ей просто рассказать правду не хочет.

Всё, значит, приготовила, в пшено свечку поставила, гроб установила на лавку под иконы-то и ждёт. Мужик помылся, рубаху чисту надел и в гроб лёг. И вот уж почти рассказать все собрался. А тут петух как вскочит на окно и давай пшено-то из свечки клевать. Со-